

Г.Померанц

Знак поворота

Возмущение иногда тлеет веками и ждет благоприятного момента, чтобы вспыхнуть. Ждет триста лет, как в Ирландии. Ждет тысячу лет, как у народа Нам (нынешний Вьетнам) против китайцев, повелевавших страной в I тысячелетии. Возмущение тлеет в России, ожидавшей от американцев экономической помощи, как в Германии и Японии, и обманувшейся. Возмущение вспыхнуло в исламе. Похоже на то, что Сэмюэл Хантингтон назвал войной цивилизаций.

Однако возмущение Америкой есть и во Франции, одной из центральных стран Запада. Если понимать слово цивилизация примерно так, как это делал Тойнби, то цивилизация это родственная группа стран. Отдельное дерево, даже очень большое, – еще не лес. В лесу могут прибавиться новые деревья, могут некоторые засохнуть и упасть, а дерево – только дерево. Говорить о Западе и видеть перед собой Америку – значит за деревом не видеть леса. Для культуролога Америка – разбогатевший маргинал Запада. И то, что распространяет по всему свету CNN, всего только подновленный европейский фельетонизм (как назвал его Герман Гессе), вульгаризированный массовый вариант «Запада», расцветший на девственной земле.

Вероятно, бен Ладен мыслит иначе, и его концепция войны с Западом достаточно близка к первоначальной схеме Сэмюэла Хантингтона¹. Но действительная история сложнее схемы. Известный привкус «цивилизационных» (или, по меньшей мере, национальных) различий был во всех тоталитарных режимах. Они возникали не в ядре модернизации, – не в Англии, не в Голландии, – а на периферии или в «промежуточных зонах» (по классификации Эдвина Рейшауэра). Возникали там, где развитие преодолеvalo отсталость, стремилось «догнать и перегнать» и было довольно болезненным;

где не хватало веков для постепенного слияния нового со старым и новое наступало вопреки старым нравам. Строго интернациональный дух ранней советской власти был воодушевлен реакцией на бойню первой мировой войны, да еще живой памятью о еврейских погромах и армянской резне. С течением времени Советская Россия перешла к национал-коммунизму, с опорой на местные традиции, и в идеологии КПРФ теория классовой борьбы уступила место теории этносов. Коммунистические и прокоммунистические режимы в Азии, Африке и Латинской Америке с самого начала связаны с национально-освободительным движением. Неожиданное поражение американцев во Вьетнаме и такое же неожиданное поражение коммунизма в Индонезии связаны со своеобразием местных культур.

Китайский марксизм нашел опору в «школе государственных законов», процветавшей до Р.Х. В Никарагуа прокоммунистический режим Сандино опирался на католическую «теологию освобождения». Нет ничего удивительного, что в странах ислама «тотальной» идеей, призывом к созданию нового тоталитаризма стал образ правления первых четырех «праведных» халифов. Утопия, укореняясь, находит подходящую местную почву, но на любой почве создается прокрустово ложе, в которое втискивается современная цивилизация, обрубая все слишком сложное, противоречивое. Тотальная идея – это идея редукации, упрощения, ликвидации «антагонистических» противоречий, «окончательное решение» открытых вопросов, с которыми живет «открытое общество».

Журналисты говорят о мусульманском фундаментализме. Но это не мирный, семейный отказ от телевизора, это крутая ломка общества, это гораздо ближе к национал-социализму Гитлера, чем к фундаментализму в среднезападных штатах Америки. Сомнительность религиозного вдохновения показывает парадоксальный пример курдов: восставая против единоверцев-

¹ В последних статьях Хантингтон уже отошел от чрезмерного упора на различия культурных миров и говорит о нескольких региональных центрах силы.

турок, курдская рабочая партия подняла знамя марксизма-ленинизма-сталинизма и без всякой опоры на религию курдский террорист-самоубийца взорвал себя вместе с несколькими турками.

Фанатиков толкает ненависть, более сильная, чем воля к жизни. Фанатизм не связан наглухо ни с одной религией, ни с какой идеологией. Он прилипает к любой идее, когда разгораются страсти. Религиозная маска лучше служит цели, чем другие, – но это только маска: «наиболее опасное духовное насилие – то, которое увлекается ложным энтузиазмом и кажется идущим от Бога, но на самом деле вдохновлено страстью. Многие любовно выпестованные планы прославить Бога – только темная страсть, нацепившая на себя святые одежды. И проверка этого – взвинченность, которую она вызывает. Бога мира и тишины нельзя прославить насилием» (Т.Мerton Thoughts in solitude, N-Y, 1993, p.112).

Террористы с древнейших пор готовы были жертвовать собой, в том числе убежденные атеисты. Первыми в терроре против современной цивилизации были не мусульмане, а европейцы и японцы («красная армия», «красные бригады» и т.п.). Есть что-то в характере современной цивилизации, рождающее террор. Безликий механизм угнетает и возмущает личность, и «подпольный человек» ищет способа дать пинка «хрустальному зданию». Если пушки – последнее средство королей, то террор – последнее средство отчаявшихся людей, не способных развязать большую войну. И сегодня терроризм ислама – только новая волна террористического сопротивления глобализму. Можно назвать это сопротивление религиозным, но мне оно кажется квазирелигиозным. Во всяком случае концепцию квазирелигиозности всех тоталитарных систем (включая исламские) можно защищать.

Я пережил время, когда людей расстреливали за неверие в возможность построения социализма в одной стране, когда идеи Маркса, девизом которого было «во всем сомневаться», превратились в систему догм, а вокруг вождя возник культ живого бога, вроде исмаилитского. Между тем, ученые уже давно

ищут новое имя для «мусульманского фундаментализма» и нашли его в интегризме, в стремлении создать искусственную, насильственную цельность общества. Интегризм – одно из имен квазирелигиозных движений.

Говорят иногда об особой консервативной революции. Это верно, если иметь в виду как альтернативу американскую революцию, открывшую дорогу свободному развитию. Но советская революция тоже была скрыто консервативной. Недаром поздняя советская власть родила поговорку: «инициатива наказуема». Устраняя «антагонистические противоречия», коммунистическая революция тормозила и само развитие. Если бы убрать у советской системы ее конкурента, капитализм, она бы очень скоро застыла, – примерно как Северная Корея.

Что собственно случилось? Модернизация, распространяясь вширь, захватила и страны ислама. Но ислам – не религия «не от мира сего». Это религиозно окрашенный и утвержденный на вере социальный порядок. Он очень хорошо был приспособлен к средним векам и именно поэтому с трудом входит в современность. Он более «высказан», более вошел в «букву», в средневековую «букву», чем другие религии. Есть глубинные формы ислама, противоречащие основному потоку; но массовый ислам не может быстро измениться. Европеизация Турции заняла несколько веков. Между тем, телевидение действует на страны ислама как переливание крови чужой группы; оно мгновенно создает внутренний хаос. Экономика здесь, по-моему, на втором плане. Иран процветал, когда фанатики сожгли кинотеатр в Абадане. И к удивлению всего мира, народ, получивший много выгод от реформ шаха и его американских советников, отрекся от этих выгод и поддержал изуверов.

Многие американцы, насколько я понимаю, считают современную Америку способной неограниченно расти и расти, а ее противников – чем-то вроде маленьких Гитлеров, которых надо убрать с дороги. Этой схеме соответствовала « буря в пустыне». Для того, чтобы покончить с диктатором, оставалось сделать один шаг. Его не совершили только из политического

расчета: сохранить противовес другой диктатуре, иранской. И вдруг возникло нечто совершенно другое: глобальный террор. Его центры в подполье. Он неуловим, как партизаны Сомали, из которого американцы вынуждены были уйти: там нечего было бомбить и не было правительства, способного капитулировать, как Милошевич. Но в отличие от сомалийцев, боевики бен Ладена обладают современными финансовыми и техническими ресурсами и способны наносить заметные удары.

Если говорить о физических масштабах взрывов в Нью-Йорке, то это булавоочный укол, от которого экономика Америки только вздрогнула. Но рухнули не только две башни. Рухнули символы. Я смотрел на падение башен по телевизору и понимал, что это всего две башни. Я вспоминал свою статью «Опасности и страхи», написанную после взрывов в Москве, и мог еще раз повторить, что опаснее всего страх, вызванный опасностью, и если опасность не вызывает страха, то с ней в десять раз легче бороться. Я пережил сталинский Большой террор и не был сломлен, потому что не испугался. Я пережил войну и не был раздавлен ужасами, которые видел, потому что преодолел страх. И глобальный террор можно пережить, если подняться над страхом. В конце концов, пакости, которые творит бен Ладен, ничтожны сравнительно с миллионами убийств, совершенных Пол Потом, и десятками миллионов жертв Большого террора Сталина и большой войны между Гитлером и Сталиным. Глобальный террор пугает, потому что он непривычен; но человек ко всему привыкает.

Я думал так, а впечатление не подчинялось разуму. Я смотрел на падающие башни и видел крушение цивилизации. Помощники Бен Ладена правильно построили свой спектакль. Среди них был хороший режиссер и показал всему миру фильм о гибели Запада. Возможно, его вдохновил гитлеровский боевик «Мечь Вотана», но это не меняет дела. Телешоу, подхваченное CNN, пошатнуло чувство неуязвимости Америки, пошатнуло (у тех, у кого оно было) чувство «правильности» современной цивилизации, ее

способности оставаться такой, какая она есть, неограниченно долго. Окрепло – у кого оно было – чувство необходимости перемен. От террора можно защищаться; это безусловно меньшая угроза, чем то, что нес в себе режим Гитлера или режим Сталина. Но террор будет постоянно поддерживать чувство тревоги. И это чувство может быть использовано для духовного и нравственного пробуждения всего западного и вестернизированного мира.

Величайшую опасность для современной цивилизации представляет не угроза извне, а она сама, инерция ее развития, близко подошедшего к распаду. Если Запад останется постхристианским, постмодернистским, вялым, скептическим, ищущим наслаждений и садящимся на иглу, – финансово-техническое могущество не спасет. И бесполезно тратить миллиарды на противоракетную защиту. Нужно другое: внутреннее преобразование и открытость диалогу.

Диалог – это не просто терпимость, уживчивость. Это понимание, что есть не только один, западный путь развития, есть четыре проекта глобального устройства, в каждом из которых свой отблеск истины, и путь к выходу из экологического и духовного тупика – диалог с великими культурными мирами Востока. Каждый из них сохранил нечто, потерянное Западом: паузу созерцания. Одиночки, как Рильке или Мертон, заново открывают ее, но не случайно они ездили на Восток.

Шпенглер писал, что араб никогда не поймет китайца. Он скорее всего неправ: ал Халладж или Ибн Араби были очень широки, но что бы ни думали арабы, европеец (и в том числе русский европеец) должен понять всех, даже фундаменталистов, сталкивающихся друг с другом на Ближнем Востоке. Фундаментализм – тупиковая линия развития, но его исток – отталкивание от вседозволенности, и пафос сопротивления распаду, пафос хранения древних святынь должен быть понят. В фундаментализме есть нечто от библейских пророков, бичевавших вавилонскую блудницу. Блудница, не сумевшая исправиться, погибла.

Есть старая суфийская притча (ее вспомнил Гёте). Иса (т.е. Иисус) шел по дороге со своими учениками. На обочине лежала дохлая собака. Ученики отвернулись, а Иса посмотрел и сказал: какие у нее прекрасные белые зубы!

Восток учился у Запада динамизму. Западу надо поучиться стабильности у Востока – Дальнего, Индийского, да и суфийского. Спасение человечества – восстановление равновесия между развитием вширь и поисками путей в глубину, в переходе от цивилизации неограниченного физического роста, упершегося в ограниченность земли, к цивилизации равновесия с природой и духовного роста.

Современное человечество подобно подростку. Продолжение физического роста становится уродством. Взрослый перестает физически расти. Перед ним – бесконечная дорога духовного роста.

Невозможно совершить поворот круто, сразу: «подростковые» привычки очень упорны. Но вполне мыслимо постепенно вращивать в суету дел и развлечений паузу созерцания, паузу тишины. Только в тишине можно расслышать подсказку Бога. Только в тишине созерцания исчезает запутанность в частности, мир видится в целом и становится яснее, куда идти. Это можно воспитывать в детском саду, в первых классах школы, углублять в философии и в искусстве. Простой реставрации религиозной старины мало. Нет более сословного общества, когда крестьяне пахали, купцы торговали, рыцари воевали, а монахи созерцали Господа и молились за мир. Отрешенность и созерцание должны стать частью одного большого ритма жизни. Какой-то минимум тишины необходимо вернуть каждому человеку, иначе человечество не найдет выхода из современной запутанности и погибнет в серии конфликтов.

Выступая в Осло, в мае 2000 г., Далай Лама XIV назвал важнейшей задачей XXI в. воспитывать способность находить неожиданные ответы на неожиданные вызовы будущего, еще более непредсказуемого, чем вызовы XX века для человека XIX в. Я думаю, это возможно, если мы возродим паузу созерцания.

Бог нашей суетою оглушен,
А дьявол – этой полной тишиною...

(З.Миркина).